

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)''1917/...''–058.3нэпманы–058.243/244

ПОСТРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

В. П. Булдаков

РАН, Институт российской истории, г. Москва, Россия

Автор подвергает критике представление о том, что большевистский нэп мог составить реальную альтернативу сталинизму. В 1920-е гг. большевистское руководство разрывалось между догмой мировой революции и вынужденной необходимостью «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране». Сторонники курса на мировую революцию были дезориентированы. Для фанатичных революционеров нэп был равносильен капитуляции. Поэтому они настраивались на отчаянную борьбу с ним внутри партии. Напротив, их противники надеялись на буржуазное «перерождение» большевизма. Массы, со своей стороны, были крайне недовольны своим социальным положением. Возникла ситуация псевдоморфного развития. Все это затрудняло принятие оптимальных управленческих решений. Как результат, резкий поворот к коллективизации делался неизбежным.

Ключевые слова: Постреволюционная Россия, новая экономическая политика, идеология, управление, промышленность, сельское хозяйство, рабочие, крестьяне, нэпманы.

Постреволюционное десятилетие, основу которого составлял большевистский нэп, некогда представлялось благостной альтернативой сталинизму¹. Конечно, для этого были свои основания. Несомненно, после ужасов Гражданской войны и тягот «военного коммунизма» люди вздохнули свободнее. Но можно ли говорить о том, что *новые* верхи и *старые* низы ощущали себя в ситуации, когда можно было ставить реальные цели и последовательно их добиваться?

На протяжении Гражданской войны усилия большевиков в области внутренней политики определялись императивами мировой революции. Хозяйственные задачи решались ситуационно местными руководителями, чья подготовка оставляла желать лучшего. Они поддерживали свои силами надежду на «пролетарскую» поддержку извне. Но чем было чревато кардинальное изменение ситуации?

Марксизм оставался господствующей идеологией постреволюционного времени. Даже его противники оценивали – пусть подсознательно –

---

¹ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888 – 1938 гг. М., 1988. С. 335–336. Koen S., Bukharin. *Politicheskaya biografiya. 1888 – 1938 gg.*, M., 1988, S. 335–336.

перспективы развития России, исходя из соответствующих надежд: «... была большая мечта, теперь только трупный запах»². А внутри страны шла идеологическая накачка: даже политически индифферентному рабочему приходилось тратить 7,5 часов в месяц на участие в митингах и демонстрациях и 1–2 часа – на посещение общезаводских собраний. Что касается рабочих из числа старых большевиков, то создаётся впечатление, что они занимались исключительно «общественной работой»³. Между тем господствующая идеология оставалась внутренне расколотой. Для одних социалистическое будущее России связывалось с мировой революцией (Ленин, Троцкий), для других – с планами «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране» (Сталин).

Как ни парадоксально, наиболее естественно свободу маневра обеспечивали перспективы мировой революции. В ожидании подходящего момента её приверженцы обретали некоторую тактическую свободу, т. е. возможность экспериментировать, не особенно задумываясь о собственно марксистском содержании своих «выжидательных» действий. Напротив, сторонники изолированного построения социализма в СССР рисковали впасть в ксенофобию, затруднявшую принятие рациональных решений. Как результат, для подтверждения «успехов» построения социализма им приходилось постоянно выдавать желаемое за действительное.

Вольно или невольно сторонникам «социализма в одной стране» приходилось не столько создавать новую реальность, сколько возводить её симулякры. Россия вступила в болезненную полосу *псевдоморфного* развития. Для эмоциональных людей это было трудным испытанием. Не случайно в начале нэпа последовал массовый выход рабочих из партии, причём весьма активно покидали её ряды рабочие поэты из Пролеткульта⁴.

Строго говоря, подобная ситуация – отнюдь не новость исторического пути России⁵. Догоняющий тип развития страны, руководство которой настроено на самосохранение, всегда вызывает потребность в демонстрации «успехов», попросту говоря, во «вдохновляющей» показухе. Но поскольку марксистская «сверхидея» выходила за пределы любых монарших фантазий, теперь приходилось возводить «потемкинские деревни», не мыслимые ранее. И в этом постреволюционная Россия преуспела.

---

² Князев Г.Ф. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915 – 1922 гг. // Русское прошлое. 1993. Кн. 5. С. 210.

Кnyazev G .F., *Iz zapisnoi knizhki russkogo intelligenta za vremya voiny i revolyutsii 1915 – 1922 gg.*, Russkoe proshloe, 1993, Kn. 5, S. 210.

³ Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. М., 1928. С. 37, 115.

Kabo E. O., *Ocherki rabocheho byta*, M., 1928, S. 37, 115.

⁴ Пирани С. Русская революция в отступлении. М., 2013. С. 170–176.

Pirani S., *Russkaya revolyutsiya v otstuplenii*, M., 2013, S. 170–176.

⁵ См.: Королев С. А. Псевдоморфо́за как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6. С. 72–85.

Korolev S. A., *Pseudomorfoza kak tip razvitiya: sluchai Rossii*, Filosofiya i kul'tura, 2009, № 6, S. 72–85.

После Гражданской войны «военно-коммунистическую» агрессию идеи начали теснить фрустрационные настроения. Это усиливало сумятицу в умах и верхов, и низов. Можно было сколько угодно мечтать о рывке вперед, но в первую очередь приходилось заботиться о стабилизации ситуации. Ленину присылали довольно странные послания. Так, некий В. А. Найденов, член партии, утверждая, что «в современной разрухе виновата российская и международная буржуазия», предлагал для борьбы с ней «создать наш пролетарский капитал, потому что с капиталом строить коммунизм гораздо легче, чем с голыми руками». Понятно, что в понятие «капитал» он вкладывал некое особое содержание. Однако коммунист с 1905 г. И. А. Ткачев возражал ему в духе привычной левизны: «Если т. Ленин очень поправел, если он совсем поправеет... [то мы] Ленина тоже вычистим...»⁶. И подобные проявления идейно-политической сумятицы всё чаще давали о себе знать.

Бороться с «родимыми пятнами прошлого» был призван особый институт – Рабоче-крестьянская инспекция. Функции её были столь же многообразны, сколь богата «пережитками» советская действительность: разработка принципов научной организации труда, рационализация экономики и снижение себестоимости продукции и, естественно, борьба с бюрократизмом. Похоже, однако, что само по себе существование этого института символизировало тенденцию к бюрократическому разбуханию: в 1923 г. он насчитывал тринадцать отделов – 9 соответственно отраслям народного хозяйства, два – по совершенствованию бухгалтерского учета и ещё два, занимавшихся разработкой методов совершенствования государственного аппарата⁷.

Можно предположить, что для фанатичных революционеров нэп был равносителен капитуляции. Соответственно, они вольно или невольно настраивались на отчаянную борьбу с ним. Но, скорее, возобладал другой фактор: потеря идеологических ориентиров. Некоторые подмечали, что коммунисты «разлагались без настоящего дела»⁸.

Ощущение тупиковости ситуации порождало целый ряд бинарных оппозиций сознания, парализующих управленческие действия и вызывающих растущее недоумение низов. Парадоксы нэпа – реальные и мнимые – болезненно гипертрофировались.

Так, идея ожидаемого социального равенства противостояла видимая разница в доходах пролетариев и всевозможных управленцев, включая

⁶ Российский архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 2. Д. 1235. Л. 1.

Russian archive of socio-political history (RGASPI), F. 5, Op. 2, D. 1235, L. 1.

⁷ См.: Иконников С. Н. Создание и деятельность объединенных органов ЦКК–РКИ в 1923 – 1934 гг. М., 1971. С. 34–66.

Ikonnikov S. N., *Sozdanie i deyatel'nost' ob'edinennykh organov TsKK–RKI v 1923 – 1934 gg.*, М., 1971, S. 34–66.

⁸ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917 – 1929 гг. М., 2008. С. 452–453.

Pavlyuchenkov S. A., «*Orden mechenostsev*»: *Partiya i vlast' posle revolyutsii. 1917 – 1929 gg.*, М., 2008, S. 452–453.

многочисленных «буржуазных» специалистов и ловких «выдвиженцев». Самоуправленческие интенции подавлялись номенклатурным диктатом. Технократические новации натывались на бюрократическую косность. Так называемый классовый подход оказывался несовместим с традиционными патерналистскими практиками. Город и деревня продолжали противостоять друг другу. На фоне этнопатерналистского поощрения нерусских народов интернационалистская фразеология вызывала недоумение. В любом случае всякая инициатива снизу оказывалась парализованной.

Но наиболее нелепым казалось положение в области внешней политики. Так, эффективность «борьбы с империализмом» должна была стимулироваться увеличением экспорта, с одной стороны, привлечением иностранных концессий и заимствованием технологий – с другой. Оказывалось, что построить «социализм в одной стране» можно только с помощью мировой буржуазии. Недавним революционерам такая ситуация не могла не показаться абсурдной.

На этом фоне ощутимо сказывалась постреволюционная «усталость» социального пространства. Повсеместно преобладали пессимистичные, а не социально оптимистичные настроения. Общий психологический настрой не соответствовал замыслам строительства рая на земле. В массах преобладало стремление ухватить обещанное.

Большевицкие победители также чувствовали себя неловко. Переход к «мирному строительству» не мог в одночасье изменить «военно-коммунистические» управленческие практики. Идеология борьбы с «мировой буржуазией» и её внутренними пособниками продолжала господствовать, нэп воспринимался как временная передышка. Соответственно этому руководители склонялись к использованию мобилизационных, а не модернизационных методов управления.

Конечно, задачи восстановления народного хозяйства заставляли менять подход к решению управленческих задач. Но это обернулось, во-первых, созданием центральных бюрократических ведомств, бесцеремонно подчиняющих себе местные «совнархозы» и «коммуны» с помощью «партийной дисциплины»; во-вторых, непомерным расширением штата профессиональных управленцев, признающих только команды сверху; в-третьих, широким привлечением так называемых старых специалистов, настроенных работать по старинке. Всё это не могло нравиться низам, отвыкшим от «буржуазной» дисциплины и настроенных на тотальную уравниловку.

В любом случае, технократические новации не могли встретить понимание со стороны традиционалистской массы. Ещё в начале 1920 г. энтузиаст научной организации труда А. К. Гастев откровенно заявлял, что «Россия тем и отличается от Запада, что она или ленива, или элементарно импульсивна, её население, в общем, даёт мало упорства, трудового упрямства»⁹. Наблюдения Гастева по-своему подтвердил один немецкий инже-

---

⁹ Гастев А. Наши задачи. Наша практическая методология // Организация труда. 1921. № 1. С. 18.

нер, который никак не мог понять, почему рабочие на производстве постоянно бездельничают¹⁰. Дело было, разумеется, не в обычной «лени», хотя нельзя не учитывать, что длительное крепостничество элиминировало в народе чувство усердия в работе. Рабочим хотелось трудиться соответственно «завоеваниям революции», инновации воспринимались ими как «буржуазная» интенсификация «пролетарского» труда. Не случайно, рационализаторские мероприятия, проводимые на ленинградских текстильных предприятиях в 1929 г., встретили острое неприятие работниц. Сами большевистские рационализаторы пришли к выводу, что провал их нововведений обусловлен игнорированием администрацией подготовительных мероприятий¹¹. Получалось, что управленческие верхи и пролетарские низы по-прежнему не находят общего языка производственного сотрудничества.

Рабочих не случайно возмущало то, что «чистокровных рабочих и крестьян у руководящих мест совершенно мало»¹² – они хотели видеть руководителями «своих» людей; поведение «чужих» верхов вызывало у них растущее недоумение. И, разумеется, в их образе жизни они подмечали лишь отрицательные черты. Руководителей предприятий постоянно упрекали в расхищении народных средств, в разгульном образе жизни, в «перерожденчестве» и т. п. Уже в самом начале нэпа на собраниях рабочих звучали заявления о том, что коммунисты пропивают их жалование в дорогих ресторанах¹³. Но рабочих возмущали не только задержки с выплатой заработной платы, низкие расценки, плохие условия труда, безработица. Они замечали отсутствие гибкости управления, непрофессионализм, нераспорядительность, бесхозяйственность, волокиту, бюрократизм¹⁴. Всё это вызывало соответствующие эмоции. В начале 1926 г. рабочий московского завода «Серп и молот» публично заявил: «Зарплата у нас прежняя, а жизнь дорожает. Главки ездят в автомобилях и проводят экономию за счёт спины рабочих. Рабочий рубль маленький, а у главков – большой. Околпачивают и

Gastev A., *Nashi zadachi. Nasha prakticheskaya metodologiya*, Organizatsiya truda, 1921, № 1, S. 18

¹⁰ Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1998. № 4. С. 132.

Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiiskoi Federatsii, 1998, № 4, S. 132

¹¹ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917 – 1929. Экономические конфликты и политический протест: сб. док. СПб., 2000. С. 396–397.

Piterskie rabochie i «diktatura proletariata». Oktyabr' 1917 – 1929. Ekonomicheskie konflikty i politicheskii protest. Sbornik dokumentov. SPb., 2000. S. 396–397.

¹² Там же. С. 391.

Ibid. S. 391.

¹³ *Борисова Л. В.* Трудовые отношения в советской России (1918 – 1924 гг.). М., 2006. С. 168–169.

Borisova L. V., Trudovye otnosheniya v sovetskoi Rossii (1918 – 1924 gg.), М., 2006, S. 168–169.

¹⁴ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 330–332, 346, 389.

Piterskie rabochie i «diktatura proletariata», S. 330–332, 346, 389.

жмут крестьян, называя это смычкой»¹⁵. Наверх писали и о «круговой поруке среди местного начальства», и о том, что из коммунистов сформировалось «новое дворянство»¹⁶ (зачастую за счёт родственных связей¹⁷), которое дезинформирует центральные органы¹⁸.

На деле представления о непомерных доходах буржуазных специалистов, профсоюзных деятелей и коммунистических чиновников отнюдь не соответствовали действительности¹⁹. Большевистская власть относилась к служащим с подозрением: заведомо считалось, что они работают неэффективно, для них устанавливалась особая система дисциплинарных взысканий²⁰. Служащие жаловались, что «рабочие имеют больше прав»²¹. Привилегии партийной элиты также были не столь велики, но они казались попранием принципов, во имя которых была совершена революция²².

В этих условиях нэп приобретал импровизационный характер. С одной стороны, власть не могла существовать без нэпманов (обеспечивавших производственно-потребительские связи), с другой – старалась окарикатурить их образ в глазах народа. В ноябре 1923 г. ОГПУ прибегло к административной высылке из Москвы и крупных городов валютчиков и спекулянтов, их дети стали изгоняться из школ и вузов, а в феврале 1924 г. тысячи нэпманов были сосланы на север²³. Однако самые богатые дельцы откупались от «пролетарского» правосудия²⁴, пораженного коррупцией²⁵. Такие

---

¹⁵ Макаревич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883 – 2001 гг. М., 2005. С. 110–111.

Макаревич А. М., Sokolov A. K., «Magnitka bliz Sadovogo kol'tsa»: Stimuly k rabote na Moskovskom zavode «Serp i molot», 1883 – 2001 gg., М., 2005, S. 110–111.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1028. Л. 31, 33.

RGASPI, F. 17, Op. 84, D. 1028, L. 31, 33.

¹⁷ Там же. Л. 249.

Ibid, L. 249.

¹⁸ Там же. Д. 1030. Л. 278.

Ibid, D. 1030. L. 278.

¹⁹ Ильяхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917 – 1941 гг. М., 2010. С. 348–350.

Il'yukhov A. A., *Kak platili bol'sheviki: Politika sovetskoi vlasti v sfere oplaty truda v 1917 – 1941 gg.*, М., 2010, S. 348–350.

²⁰ Андрияшин Е. А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М., 2012. С. 49, 53, 55, 57.

Andryushin E. A., *Iz istorii trudovogo zakonodatel'stva SSSR i politiki sovetskogo pravitel'stva v oblasti trudovykh resursov*, М., 2012, S. 49, 53, 55, 57.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 33.

RGASPI, F. 17, Op. 84, D. 745, L. 33.

²² Пирани С. Русская революция в отступлении. С. 245.

Pirani S., *Op. cit.*, S. 245

²³ См.: Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. М., 1993. С. 9–12; Ball A. Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921 – 1929. Berkeley, Los Angeles, L., 1987. P. 39.

Goland Yu., *Valyutnoe regulirovanie v period NEPa*, М., 1993, S. 9–12.

²⁴ Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917 – 1936 годы. М., 2003. С. 148–149.

факты становились известными, и, естественно, это не добавляло доверия к политике большевиков.

Метания большевистских руководителей подталкивались теми или иными неувязками в области производства и распределения. Из деревни сообщали, что крестьянам нужен «дешевый ситец»²⁶. Но его производство превращалось в очередную государственную проблему. Так, летом 1925 г. Сталин возмущался тем, что текстильный трест не намерен расширять производство, поскольку он «и так процветает»²⁷. Было очевидно, что в условиях нерыночных ориентаций политического руководства страной руководители производства не хотели рисковать. Но поскольку власть требовала рапортов о «достижениях», последовали всевозможные приписки, прогрессировали очковтирательство и показуха²⁸.

Решение проблемы было очевидным: поставить текстильный трест под контроль с помощью плана и номенклатуры выпуска продукции. Это означало, что целой производственной отрасли будет навязан мобилизационный тип функционирования. Со временем так и случилось в масштабах всего народного хозяйства. Руководителям производства приходилось думать не о модернизации производства, не о снижении себестоимости продукции, не о рентабельности производства, а только о выполнении плана любой ценой.

Ситуация затронула и внутрипроизводственные взаимоотношения, и отношение коммунистов к «мелкобуржуазной» деревне, и взаимодействие промышленного и аграрного секторов народного хозяйства в целом.

«Непосильный труд крестьянина ни во что не ценится, облитый кровью и потом продукт его вовсе даром, фабрично-заводское производство ужасно дорого и непосильно», – писали из деревни²⁹. Действительно, в начале нэпа текстиль оказывался вчетверо дороже дореволюционного, тогда как овощи – на треть дешевле. Эти «ножницы цен» первоначально были выгодны для промышленности, но вслед за тем разразился кризис. Осенью 1923 г. в Петрограде лежали мертвым грузом 600 млн папирос, тысячи пар обуви³⁰. Слухи об этом доходили до деревни.

Smirnova T. M., «*Byvshie lyudi*» *Sovetskoi Rossii: Strategii vyzhivaniya i puti integratsii. 1917 – 1936 gody*, М., 2003, S. 148–149.

²⁵ Орлов И. Б., Маркосян Г. М. Взятка и борьба с ней в годы нэпа. М., 2011. С. 58–77.

Orlov I. B., Markosyan G. M., *Vzyatka i bor'ba s nei v gody nepa*, М., 2011, S. 58–77.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 145.

RGASPI, F. 17, Op. 84, D. 857, L. 145.

²⁷ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925 – 1936 гг. М., 1996. С. 35.

Pis'ma I. V. Stalina V. M. Molotovu. 1925 – 1936 gg., М., 1996, S. 35

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1032. Л. 61 об.

RGASPI, F. 17, Op. 84, D. 1032, L. 61 ob.

²⁹ Там же. Д. 647. Л. 55.

Ibid, D. 647, L. 55.

³⁰ Шерих Д. Ю. 1924. Из Петрограда – в Ленинград. М., 2004. С. 88.

Sherikh D. Yu., 1924. *Iz Petrograda – v Leningrad*, М., 2004, S. 88.

Крестьяне были разочарованы политикой «назначенчества», при этом они вспоминали, что «раньше при царизме и то избирали старосту и старшину»³¹. Крестьяне отмечали пьянство, взяточничество и грубость коммунистов, засевавших в органах местной власти³². Редакция газеты «Беднота» в 1925 г. составила список типичных вопросов, волнующих крестьян. К тому времени среди сельских тружеников сложилось убеждение, что «советская власть все дала рабочим, а крестьянам ничего», а между тем «ставку надо сделать не на рабочих, а на крестьян, иначе крестьяне войной пойдут на рабочих». В связи с этим крестьяне повсеместно добивались «вольной торговли с границей», «свободы печати», организации «Союза крестьян», отмены смертной казни, а также увеличения своего представительства на съездах Советов. Отовсюду требовали: «Долой коммунистов из Советов!» Звучали и наивные политические заявления: «Троцкий хотел освободить крестьян от налога, а вы его арестовали. Он хотел принять крестьян в партию, а вы боитесь этого»³³.

Селькор Д. Мясников сообщал нечто подобное: необходимы снижение цен на фабричные изделия, замена сельскохозяйственного налога подоходным, увеличение оплаты учителям, дешевый кредит сельским кооперативам. И, разумеется, предлагалось урезать «аппетиты прибылей торгово-промышленных предприятий»³⁴. Конечно, особенно хотелось, чтобы «цены на городской и деревенский продукт были довоенные»³⁵. К этому некоторые крестьяне добавляли, что, поскольку «государство бедно», надо увеличить продолжительность рабочего дня для рабочих³⁶. Некоторые крестьяне готовы были «раскулачить» не только сельских богатеев, исполкомовских работников, но и священников³⁷.

Отдельные революционные идеалисты предлагали свои рецепты спасения ситуации. Так, «огородник-крестьянин Арбузов» взывал: «Дайте, товарищи, крестьянам в деревне строить свою жизнь самим под наблюдением честных комиссаров-коммунистов и деревня сольется с городом в

³¹ Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М., 2001. С. 104.

Krest'yanskie istorii: Rossiiskaya derevnya 20-kh godov v pis'makh i dokumentakh, М., 2001, S. 104.

³² Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917 – 1932 гг. М., 2010. С. 92.

Livshin A. Ya., *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoj Rossii: 1917 – 1932 gg.*, М., 2010, S. 92.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 859. Л. 38.

RGASPI, F. 17, Op. 84, D. 859, L. 38.

³⁴ Там же. Д. 857. Л. 67–68.

Ibid, D. 857, L. 67–68.

³⁵ Крестьянские истории. С. 111.

Krest'yanskie istorii, S. 111.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 145.

RGASPI, F. 17, Op. 84, D. 857, L. 145.

³⁷ Крестьянские истории. С. 106, 107, 110–111, 120.

Krest'yanskie istorii, S. 106, 107, 110–111, 120.

общей работе на укрепление революции»³⁸. А некий А. Брагин в январе 1925 г. предлагал В. М. Молотову организовать «четкое политическое воздействие» на крестьянство «либо через крестьян-зачинщиков, либо через крестьянскую сходку». Возобновление диалога ему виделось в такой форме: на сходке крестьян зачитывается письмо-телеграмма от Рыкова или Калинина. Начинается «беседа» о болезненных сторонах крестьянской жизни, в результате которой вырабатываются меры для устранения несправедливостей. В результате крестьяне перестанут засыпать центр письмами, а начнут получать на них обдуманые ответы «с учетом крестьянской психологии» через газеты³⁹. В общем, всё это напоминало бы поучительные беседы приходского уровня. Сомнительно, чтобы такое было возможно. На местах недовольство коммунистами со стороны крестьян доходило до того, что их не позволяли хоронить на общем кладбище⁴⁰.

В сущности, большевики пытались «решить» проблему сельского хозяйства не путём интенсификации производства, а через «классовое» распределение. Такой подход неизбежно трансформировался в политику изъятия сельхозпродукции. Характерно, что в августе 1929 г. Сталин в первую очередь настаивал на репрессиях против городских спекулянтов и на том, чтобы «установить наблюдение за колхозами», пытающимися своенравно распоряжаться «хлебными излишками»⁴¹. Очевидно, что в такой обстановке в сельских низах не могли не усиливаться антисоциалистические (рыночные) отношения. Рабочие, со своей стороны, настраивались против «кулацкой» деревни. Примечательно и то, что на местах требовали «глубоких ревизоров из центра, а не от губернии или отдельных властей». Это требование связывалось с тем, что народ лишён возможности обращаться в центр, а от местных чиновников справедливости не добиться⁴².

Параллельно развивалось внутреннее сменовеховство. Так, некий Сергей Глазунов из Ленинграда в письме Сталину от 11 июня 1925 г. пришёл к выводу, что «среди громадного количества буржуазных и мелкобуржуазных интеллигентов и представителей мещанства, которые работают в различного рода советских учреждениях», выделяются три группы: «подлых», «подловатых» и «уважающих себя». Первые «пролезают в правящую партию и разыгрывают из себя яр-р-рых р-р-революционеров». Подловатые и забитые взирают глазами «верного пса на каждого коммуниста, в особенности занимающего более или менее высокий пост», а в кругу друзей «ведут антисемитские и антисоветские разговоры». Напротив, группа

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 25 об.

RGASPI, F. 17, Op. 84, D. 645, L. 25 ob.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 858. Л. 44–46.

RGASPI, F. 17, Op. 84, D. 858, L. 44–46.

⁴⁰ Борисова Л. В. Указ. соч. С. 273.

Borisova L. V., *Op. cit.*, S. 273.

⁴¹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 142–143.

Pis'ma I. V. Stalina V. M. Molotovu, S. 142–143.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1030. Л. 278 об.

RGASPI, F. 17, Op. 84, D. 1030, L. 278 ob.

«уважающих себя» с властью имущими «говорит только о деле и дипломатично избегает всех разговоров, затрагивающих вопросы большой политики». Конечно, они «очень далеки от коммунизма, от веры в мировую революцию», но они являются «ценными работниками, ибо готовы решать общенациональные задачи России». Поэтому автор письма рекомендовал их «приблизить к власти»⁴³.

В сущности, большевики именно это уже начали делать. Но последовательно строить на таких основаниях новое общество было проблематично. Волей-неволей пришлось вступить на путь обмана и самообмана. На производстве то и дело возникали особые проблемы, связанные с «буржуазными» специалистами. Под давлением рабочих от них приходилось время от времени избавляться. В 1924 г. – сразу после того, как было принято решение Оргбюро РКП (б) об «оздоровлении Тульского оружейного завода» за счет рационализации производства⁴⁴ – секретарь Тульского губкома И. Д. Кабаков сообщал Сталину, что в результате «чистки» в военной промышленности из 46 инженеров было уволено 4, а в целом 10 % административного персонала было перемещено в другие места. Кабаков надеялся таким способом снизить накал «спецедействия». Однако рабочие, используя соответствующую фразеологию, продолжали упрекать инженеров в контрреволюционности и некомпетентности. Чтобы снизить накал страстей, решено было поднять продолжительность рабочего дня спецов до «пролетарского» уровня (при этом признавалось, что практичнее повысить им зарплату, уничтожить рабкоровский надзор, обеспечить невмешательство профсоюза в дела найма и увольнения)⁴⁵.

Служащие реагировали в духе сложившейся демагогии, заявляя, что «такое возможно только в капиталистических странах». На своих собраниях они говорили, что «в Советской России рабочие имеют больше прав». Прозвучало заявление о том, что если «рабочие согласятся на 10-часовой рабочий день, то служащие согласятся на 8-часовой»⁴⁶. В общем, в низах нарастала тенденция к своеобразному жонглированию большевистскими аргументами для достижения собственных – антибольшевистских по своей природе – целей⁴⁷. Решения проблемы не находилось.

Тем временем перед спецами приходилось заискивать. В начале 1924 г. прозвучали предложения ввести для административно-технического

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 860. С. 237–239.

RGASPI, F. 17, Op. 84, D. 860, S. 237–239.

⁴⁴ Соколов А. К. Указ. соч. С. 45.

Sokolov A. K., *Op. cit.*, S. 45.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 745. Л. 25–27.

RGASPI, F. 17, Op. 84, D. 745, L. 25–27

⁴⁶ Там же. Л. 33.

Ibid, L. 33.

⁴⁷ Яров С. В. Конформизм в советской России: Петроград 1917 – 1920-х годов. СПб., 2006. С.564.

Yarov S. V., *Konformizm v sovetskoj Rossii: Petrograd 1917 – 1920-kh godov*, SPb., 2006, S. 564.

персонала нечто вроде «советского стажа», призванного избавить их от стигмата «чуждого» социального происхождения. С другой стороны, предполагалось разработать планы расслоения и «перековки» спецов. Со своей стороны ОГПУ в конце 1924 – начале 1925 г. видело решение проблемы в «коммунизации» управленческого аппарата, отмечая, что в администрации военных заводов имели место пьянство, взятки, растраты. Между тем старые специалисты продолжали держаться обособленно; научные кадры на предприятиях оставались «засорены» (среди них насчитывали 35 % выходцев из дворян, 20 % из мещан и 20 % крестьян, тогда как рабочих всего 0,5 %). Говорили также, что из-за рубежа присылаются «ненужные специалисты»⁴⁸. И если такое положение сохранялось в военной промышленности, особо контролируемой сверху, то ситуация в гражданских отраслях, вероятно, была ещё хуже.

К тому же на положение в военной промышленности влияли различные политические кампании, а также нервозность руководства. Не удивительно, что в годы первой пятилетки на предприятиях военпрома сохранялось хаотичное и неупорядоченное планирование, а трудности продолжали списываться на происки «вредителей» и «саботажников» из числа «буржуазных» специалистов⁴⁹.

В сельском хозяйстве возникали свои тупиковые ситуации. Так, Гайк Арустамов, член партии с 1918 г., сообщал, что «многие члены партии из крестьян нарочно не поднимают своё хозяйство, боясь, что их назовут кулацким элементом». Бюрократизм давил всякую инициативу. «Что думает об этом партия?» – спрашивал этот коммунист⁵⁰. Действительно, качественного изменения в повседневной жизни крестьянства в годы нэпа не происходило⁵¹, нарастало разочарование, перерастающее у одних в недовольство и агрессивность, у других – стремление пристроиться. Крестьяне всячески поносили коммунистов, особенно городских, однако очень многие из них стремились вступить в большевистскую партию, надеясь на те или иные льготы⁵².

Люди, ожидавшие после окончания Гражданской войны по меньшей мере налаживания привычной жизни, причин возникающих трудностей не понимали. Комсомолец Андраник Вилад, бывший красноармеец, удивлялся, «почему наше правительство, строя заводы и фабрики, не строит сель-

⁴⁸ Соколов А. К. Указ. соч. С. 56, 57.

Sokolov A. K., *Op. cit.*, S. 56, 57

⁴⁹ Там же. С. 57, 74, 80.

Ibid, S. 57, 74, 80.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1025. Л. 124.

RGASPI, F. 17, Op. 84, D. 1025, L. 124.

⁵¹ Литвак К. Б. Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 189.

Litvak K. B., *Zhizn' krest'yanina 20-kh godov: sovremennye mify i istoricheskie realii*, NEP: priobreteniia i poteri, M., 1994, S. 189.

⁵² Крестьянские истории. С. 109, 112, 115, 121, 127.

Krest'yanskie istorii, S. 109, 112, 115, 121, 127.

ское хозяйство?» Почему не возьмёт десятин 40 земли, не даст все средства производства, не найдёт человек 100 крестьян-практикантов по сельскому хозяйству, которых можно было бы в кратчайший срок, платя жалование, скорее, чем через кооперирование, оторвать от собственности». Ему казалось, что созданная на этой основе «сельскохозяйственная фабрика» сумеет себя оправдать⁵³. Но вряд ли основная масса крестьянства согласилась бы на такие показательные новации.

«Издержки» нэпа приобретали особую остроту в связи с еще одним фактором. В прошлом «дисциплинирующее» государственное насилие в России, в отличие от Европы, носило локализованный и «поучительный» характер⁵⁴. Теперь оно стало претендовать на постоянство и тотальность. Донос – спутник всякой патерналистской системы. Но если система приобретает черты идеократии, то соблазн стукачества возрастает многократно.

В широком смысле идеология мировой революции и создания бесклассового общества вступила в противоречие с налаживанием мирной жизни. Это противоречие вылилось не только во внутрипартийные дискуссии и борьбу с так называемой оппозицией, представлявшей тающую в размерах группу революционных идеалистов.

В партийных верхах началась своего рода идеологическая «ломка». Так, «идейных» комсомольцев не устраивало возобновление продажи водки. «Если мы экономически выигрываем от продажи водки, то политически в глазах массы не менее теряем... Самосознание рабочих затуманивается “русской горькой”, – писали из Тамбова. – Факты дебоширства, увеличения беспорядков, драк, семейных дразг, а, главное, – отвлечение тем самым рабочего от политической жизни, говорят сами за себя»⁵⁵. Идеиная дезориентированность, в свою очередь, порождала упаднические настроения, что обернулось ростом партийно-комсомольского суицида. Всё это обостряло идеологический конфликт внутри правящей партии.

Снизу нарастал поток всевозможных жалоб. Официальным идеологам приходилось выкручиваться. Делали они это неумело. В начале 1928 г. докладчики объясняли причины перебоев с хлебом тем, что он скармливается скотине «за неимением овса». Упоминались в этой связи и несознательность крестьянства, и панические настроения. Рабочие, однако, понимали происходящее по-своему: «У крестьян всё подчистую отняли, а рабочим все равно жрать нечего. Крестьян разорили, и они уходят на заработки в город». Говорили и о том, что советская власть занимается только

⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1013. Л. 25.

RGASPI, F. 17, Op. 84, D. 1013, L. 25.

⁵⁴ Королев С. А. Дисциплинарные технологии: Россия и Европа // *Философия и культура*. 2008. № 10. С. 20–21.

Korolev S. A., *Distsiplinarnye tekhnologii: Rossiya i Evropa*, *Filosofiya i kul'tura*, 2008, № 10, S. 20–21.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1031. Л. 34.

RGASPI, F. 17, Op. 84, D. 1031, L. 34.

«большими вопросами», вроде «постройки Волховстроя, Днепростроя, и в итоге постройкой социализма». На иное она не способна⁵⁶.

Впрочем, к концу нэпа внутривластьное «единство» стало восстанавливаться за счёт репрессивных мер против инакомыслящих. В 1927 г. некий Г. Адрианов обращался к Н. К. Крупской (вероятно, памятуя, что она остается сторонницей ленинской кадровой политики) с жалобой на партийный диктат. Он утверждал, что средний партийный работник «загнан страхом, оргвыводами, безработицей... мы не осмеливаемся не только говорить, а даже спрашивать». Он утверждал, что «только часть рабочих, да и то политнеграмотных, да верхи, связанные с аппаратом насиженными местечками, поддерживают на местах существующий аппарат», который держится на «страхе оргвыводов»⁵⁷.

В таких условиях поиск «вредителей», мешающих управлять «посоциалистически», становился неизбежным. Поразительно, однако, какие дикие формы он принял. Наряду с заведомо невыполнимыми планами вычерчивались схемы несуществующих «вредительских» организаций, возражения против утопии ГОЭЛРО могли стать основанием для преследования. Ставилась под контроль сельскохозяйственная кооперация, её руководители арестовывались⁵⁸. На процессе мифической Промпартии под давлением следователей насчитали 2 тыс. «вредителей», теперь требовалось их отыскать⁵⁹. В 1929 г. наряду с поиском «заговорщиков-националистов» Сталин инициировал преследования «вредителей-врачей»⁶⁰. Это напоминало уже действия инквизиции. Под покровом «самых передовых» идей развернулся процесс насильственной демодернизации общества.

В декабре 1929 г. ленинградский рабочий-коммунист, пожелавший остаться неизвестным, обратился с «открытым письмом» к Сталину по случаю юбилея последнего. Он упрекал «вождя» в насаждении «красного террора», утверждая, что его политика привела к тому, что против комму-

⁵⁶ *Тюрин А. О.* «При старом режиме хлеба хватало...»: Сельскохозяйственные заготовки и коллективизация в дискуссиях горожан Нижнего Поволжья // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2009. М., 2009. С. 142 – 143.

Tyurin A. O., «Pri starom rezhime khleba khvatalo...»: Sel'skokhozyaistvennye zagotovki i kollektivizatsiya v diskussiyakh gorozhan Nizhnego Povolzh'ya, Ezhegodnik istoriko-antropologicheskikh issledovaniy, 2009, M., 2009, S. 142–143.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 698. Л. 6.

RGASPI, F. 558, Op. 11, D. 698, L. 6.

⁵⁸ *Николаев А. А.* Установление политического контроля над кооперативными кадрами в Сибири в 1920е годы // Кооперация. Страницы истории. М., 2003. Вып. 10. С. 194–200.

Nikolaev A. A., Ustanovlenie politicheskogo kontrolya nad kooperativnymi kadrami v Sibiri v 1920e gody, Kooperatsiya. Stranitsy istorii, M., 2003, Vyp. 10, S. 194–200

⁵⁹ *Соколов А. К.* Советское нефтяное хозяйство. 1921 – 1945 гг. М., 2013. С. 62, 64, 66, 70.

Sokolov A. K., Sovetskoe neftyanoe khozyaistvo. 1921 – 1945 gg., M., 2013, S. 62, 64, 66, 70.

⁶⁰ *Мирский М. Б.* Процессы «врачей-убийц». 1929 – 1953 годы // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 73, 75–77.

Mirskii M. B., Protssesy «vrachei-ubiits». 1929 – 1953 gody, Voprosy istorii, 2005, № 4. S. 73, 75–77.

нистов настроены буквально все: научные работники, инженеры, кулаки, торговцы, крестьяне, рабочие. Более того, 90 % партийцев, утверждал он, «считают себя заблудившимися, как бараны»⁶¹.

Действительно, настроение отчаяния, пришедшее на смену недоумению и разочарованию, среди «идейных» большевиков нарастало. 13 января 1930 г. к Сталину обратился некий Ашмарин с жалобой на то, что его, революционера с 1903 г., с 1924 г. перешедшего с санкции самого генсека из ГПУ в Информотдел ЦК, «с позором исключили из партии». Теперь его считают «примазанником, подозрительным типом, чуждым партии человеком». По его мнению, всё это не в государственных интересах, ибо бросает «политическую тень» на Секретариат ЦК в целом. Похоже, что автор этого письма хотел бы видеть себя неотъемлемой частью некоего сакрального организма. Однако не получалось – нужны были всего лишь взаимозаменяемые «винтики». В знак протеста «зло оклеветанный при попустительстве близоруких товарищей» Ашмарин решил покончить жизнь самоубийством, требуя при этом, чтобы «в интересах партии и Секретариата ЦК» его посмертно реабилитировали. Ему хотелось, чтобы его «сожгли (кремация вошла в моду. – В. Б.) как члена ВКП (б) и сотрудника ЦК», а его вдова «прекрасная партийка, с 20-го года работавшая в ЦК, не терпела в жизни преследований и утеснений»⁶².

Трудно сказать, что произошло на самом деле. Ясно, однако, что системе не нужны были слишком экспрессивные и «непонятливые» руководящие кадры. Стоит отметить, что к этому времени суицидальность среди партийных работников, достигшая пика в середине 1920-х гг., уже несколько снизилась. Большинство коммунистов, вероятно, согласилось с практикой построения социализма командно-показушными методами. Снизу, однако, звучали иные предложения. Так, А. М. Джанджугазов из Гжатска полагал, что «нужно... из кремлевских стен выйти да инкогнито, да с посошком, в лапотках, в полушубке овчинном, по матушке-Руси, ночуя у Ивана и Петра, послушать их неподдельные рассказы о житье-бытье, узнать действительную правду, а не из докладов чиновников»⁶³. В качестве противоядия от засилья бюрократии предлагалось своего рода хождение чиновников в народ.

Устремленность в будущее уступала место упованиям на народный инстинкт. Писатель-эмигрант Ю. Слезкин так описывал представления о нэпе некоторых интеллигентов: «...Мы наделали по молодости, по спешке, по излишнему рвению – немало глупостей за эти годы (в Гражданскую войну. – В. Б.)... Мы слишком надеялись на свои силы и партийную непогрешимость... – но вот же правыми оказались все-таки мы, потому что

⁶¹ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 407.

Piterskie rabochie i «diktatura proletariata», S. 407.

⁶² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 698. Л. 21.

RGASPI, F. 558, Op. 11, D. 698, L. 21

⁶³ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1027. Л. 34–35.

Ibid, F. 17, Op. 84, D. 1027, L. 34–35.

здоровый инстинкт дикаря вывел нас из таких дебрей, где бы любой культурный человек давно сгинул»⁶⁴. Итак, некоторые интеллигенты надеялись теперь на «дикаря». Другие считали, что большевистские правители при всей своей управленческой бездарности «собаку съели в подкупе и растлении нравов»⁶⁵.

К концу 1920-х гг. не было найдено удовлетворительного решения вопросов, вставших перед «строящей социализм» страной. Власть оказалась перед лицом тех же народнохозяйственных проблем, что и до революции. Но теперь их острота усугублялась идеологией, совершенно не соответствующей ни только планам «догнать и перегнать» капитализм, но и даже практике стабилизации. Осуществив невозможное, большевики оказались в безвыходном положении. В этих условиях ситуация стала определяться не столько идеологией, сколько *психологией* правящего слоя. Представления о возможной реальности оставались более притягательными, чем реальная действительность.

Сталинская верхушка объективно не могла найти иного «решения» проблемы, кроме как возвращения к командно-деспотичной форме управления времён Гражданской войны, выдаваемой за некую мобилизационную «романтику». В известном смысле большевики пытались управлять с помощью художественных образов. Псевдоморфное развитие невозможно без соответствующих симулякров.

В сложившихся условиях общество всё основательнее привыкало оперировать языком, не только не адекватным реальности, но и составляющим ей некую «самостоятельную» альтернативу. Причём этот «антиязык», включавший практики «новояза» и традиции доноса, словно обладал зарядом собственной энергии, навязывая ее внешней среде. В этих условиях люди могли разучиться распознавать реальность. В 1926 г. С. Урицкий в статье «Всерьез и надолго», посвящённой вводимому «режиму экономии» писал: «Кино занимает один из важнейших участков нашего фронта – мирного хозяйственного строительства (второй фронт) и является одной из главных позиций на культурном фронте (третий фронт)»⁶⁶. Создается впечатление, что упорно создаваемая виртуальная реальность в лице левого кинематографа изменила отношение населения к происходящему.

Строго говоря, и это не было новостью для России: псевдомодернизаторский язык власти мог совпасть с языком традиционалистских низов лишь на уровне утопического воображения и одержимости. В конце 1923 г. крестьянин В. И. Хлопотинин из Ярославской губернии писал в «Крестьянскую газету»: «Коммунизм по нашему месту считается преступлением, но я со своей точки зрения [считаю] наоборот... Коммунизм – открытие нового зем-

⁶⁴ Слезкин Ю. Указ. соч. С. 19–20.

Slezkin Yu., *Op. cit.*, S. 19–20.

⁶⁵ Шапорина Л. В. Дневник. М., 2011. Т. 1. С. 91.

Shaporina L. V., *Dnevnik*, M., 2011, T. 1, S. 91.

⁶⁶ Кино-фронт. 1926. № 1 (4). С. 1.

Kino-front, 1926, № 1 (4), S. 1.

ного царства...»⁶⁷ А в Ленинграде некий нищий выпрашивал милостыню с портретом Ильича. «Ленин, – гласило сочиненное им обращение, – говорил, что нужно помогать нуждающимся. Помните же его идеи и помогите бедному бывшему труженику». Подавали, по слухам, охотно⁶⁸. В 1925 г. некоторые крестьяне (Воронежская губерния) выражали «горячую благодарность тов. Сталину и всем остальным идейным товарищам, которые действительно стараются повести трудящиеся массы по привольному пути к светлому будущему...»⁶⁹ Новые пропагандистские установки соединялись с привычным патернализмом, идеологическая работа подпитывалась нелепыми доносами⁷⁰. Большевицкое государство, претендуя на то, чтобы быть «всезнающим и всемогущим», намеревалось играть одновременно «роль врача и полицейского, учителя и родителя»⁷¹. По большому счёту это было попыткой совместить несовместимое: мобилизационные мечты противоречили объективно необходимой стабилизационной практике.

В сущности, большевицкое управление базировалось на «кадровой иллюзии» – считалось, что преданные коммунистической идее функционеры смогут вдохновить людей на «социалистические свершения». Но российская социокультурная традиция не допускала радикальной и быстрой перестройки умов. Массы рассчитывали, что завоевания революции не затронут привычных для них традиций⁷². В результате возникло подобие нового, консолидирующегося вокруг номенклатуры и отчуждающегося от низов класса, эксплуатирующего прогрессивную идею, но опирающегося на традиционные виды насилия. Власть пыталась противопоставить возникающим проблемам «планов громадьё», заранее полагая, что они могут быть выполнены не более чем на 10 %⁷³. Столь очевидное псевдоморфное существование не могло быть устойчивым.

Свертывание нэпа было неизбежно. Он не обеспечивал ни заявленного социально-экономического прогресса, ни безопасного существования коммунистической верхушки. Разочарованные массы, со своей стороны, нуждались в жертвах, то ли принесенных на алтарь будущего, то способ-

⁶⁷ Крестьянские истории. С. 102.

Krest'yanskie istorii, S. 102.

⁶⁸ Шерих Д. Ю. Указ. соч. С. 67.

Sherikh D. Yu., *Op. cit.*, S. 67

⁶⁹ Крестьянские истории. С. 109.

Krest'yanskie istorii, S. 109

⁷⁰ См.: Королев С. А. Донос в России. Социально-философские очерки. М., 1996.

Korolev S. A., *Donos v Rossii. Sotsial'no-filosofskie ocherki*, М., 1996.

⁷¹ Ненар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928 – 1941). М., 2011. С. 165.

Nenar F.-K., *Pyat' protsentov pravdy. Razoblachenie i donositel'stvo v stalinskom SSSR (1928 – 1941)*, М., 2011, S. 165.

⁷² Rosenberg W. NEP Russia as a «Transitional» Society // *Russia in the Era of NEP. Exploration in Soviet Society and Culture*. Ed. by S. Fitzpatrick, A. Rabinovich and R. Stites. Bloomington and Indianapolis, 1991. P. 3.

⁷³ Соколов А. К. Советское нефтяное хозяйство. С. 56.

Sokolov A. K., *Sovetskoe nefyanoe khozyaistvo*, S. 56.

ных удовлетворить чувство элементарной справедливости. Поэтому эскалация репрессивных действий со стороны проштрафившейся власти была неизбежна.

Список литературы:

1. *Андрюшин Е. А.* Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый хронограф, 2012. – 455 с.
2. *Борисова Л. В.* Трудовые отношения в советской России (1918 – 1924 гг.). М.: Собрание, 2006. – 288 с.
3. *Гастев А.* Наши задачи. Наша практическая методология // Организация труда. 1921. № 1. – 397 с.
4. *Голанд Ю.* Валютное регулирование в период НЭПа. М.: Экспертный институт РСПП, 1993. – 103 с.
5. *Иконников С. Н.* Создание и деятельность объединенных органов ЦКК–РКИ в 1923 – 1934 гг. М.: Институт истории СССР, 1971. – 480 с.
6. *Ильюхов А. А.* Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917 – 1941 гг. М.: РОССПЭН, 2010. – 415 с.
7. *Кабо Е. О.* Очерки рабочего быта. Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. М.: Книгоиздательство ВЦСПС, 1928. – 218 с.
8. *Князев Г. Ф.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915 – 1922 гг. // Русское прошлое. 1993. Кн. 5. С. 149–227.
9. *Королев С. А.* Дисциплинарные технологии: Россия и Европа // Философия и культура. 2008. № 10. С. 9–27.
10. *Королев С. А.* Донос в России. Социально-философские очерки. М.: Прогресс-Мультимедия, 1996. – 237 с.
11. *Королев С. А.* Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6. С. 72–85.
12. *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888 – 1938 гг. М.: Прогресс, 1988. – 570 с.
13. *Лившин А. Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917 – 1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010. – 344 с.
14. *Литвак К. Б.* Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии // НЭП: приобретения и потери. М.: Наука, 1994. С. 185–203.
15. *Макаревич А. М., Соколов А. К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883 – 2001 гг. М.: РОССПЭН, 2005. – 368 с.
16. *Мирский М. Б.* Процессы «врачей-убийц». 1929 – 1953 годы // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 72–88.
17. *Ненар Ф.-К.* Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928 – 1941). М.: РОССПЭН, 2011. – 398 с.

18. Николаев А. А. Установление политического контроля над кооперативными кадрами в Сибири в 1920е годы // Кооперация. Страницы истории. Вып. 10. М.: Институт экономики РАН. 2003. С. 188–202.
19. Орлов И. Б., Маркосян Г. М. Взятка и борьба с ней в годы нэпа. М.: Принципиум, 2011. – 200 с.
20. Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917 – 1929 гг. М.: Собрание, 2008. – 463 с.
21. Пирани С. Русская революция в отступлении. М.: Новый хронограф, 2013. – 426 с.
22. Слезкин Ю. Разными глазами. Париж: Очарованный странник, 1927. – 127 с.
23. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917 – 1936 годы. М.: Мир истории, 2003. – 296 с.
24. Соколов А. К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг. М.: Новый хронограф, 2012. – 523 с.
25. Соколов А. К. Советское нефтяное хозяйство. 1921 – 1945 гг. М., 2013. – 280 с.
26. Тюрин А. О. «При старом режиме хлеба хватало...»: Сельскохозяйственные заготовки и коллективизация в дискуссиях горожан Нижнего Поволжья // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2009. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2009. С. 142–150.
27. Шапорина Л. В. Дневник. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. – 585 с.
28. Шерих Д. Ю. 1924. Из Петрограда – в Ленинград. М.; СПб.: Центрполиграф, 2004. – 239 с.
29. Яров С. В. Конформизм в советской России: Петроград 1917 – 1920-х годов. СПб. Европейский дом, 2006. – 565 с.
30. Ball A. Russia's Last Capitalists: The Nephews, 1921 – 1929. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 1987. – 226 p.
31. Rosenberg W. NEP Russia as a «Transitional» Society // Russia in the Era of NEP. Exploration in Soviet Society and Culture. Ed. by S. Fitzpatrick, A. Rabinovich and R. Stites. Bloomington and Indianapolis: Slavica Publishers, 1991. P. 3–10.

POST-REVOLUTIONARY RUSSIA; IDEOLOGY AND ADMINISTRATION

V. P. Buldakov

Russian Academy of Sciences, the Institute of Russian History, *Moscow, Russia*

The author criticizes idea that the Bolshevik NEP could be a real alternative to Stalinism. In the 1920th the Bolshevik leadership was torn between dogma of world revolution and the compelled need «building socialism in one, separately taken country». Supporters of a course on world revolution

were greatly disoriented. For fanatical revolutionaries the New Economic Policy was tantamount to surrender. Therefore they were adjusted on desperate fight against it within the party. On the contrary, their opponents hoped for bourgeois «regeneration» of the Bolshevism. Masses, in return, was extremely dissatisfied with their social situation. There was a situation of pseudomorphic development. All this hampered the acceptance of optimal management decisions. As the result, sharp turn to collectivization became the inevitable.

Keywords: *Post-revolutionary Russia, new economic policy, ideology, management, industry, agriculture, workers, peasants, nepmen.*

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, институт Российской истории, Российская академия наук, (Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

About the authors:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – The Doctor of History, The Chief Researcher, The Institute of Russian History, The Russian Academy of Sciences, (117036, Russia, Moscow, Dmitry Ulyanov Str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References

- Andryushin E. A., *Iz istorii trudovogo zakonodatel'stva SSSR i politiki sovetskogo pravitel'stva v oblasti trudovykh resursov*, M., Novyi khronograf, 2012. – 455 s.
- Borisova L. V., *Trudovye otnosheniya v sovetskoj Rossii (1918 – 1924 gg.)*, M., Sobranie, 2006. – 288 s.
- Goland Yu., *Valyutnoe regulirovanie v period NEPa*, M., Ekspertnyi institut RSPP, 1993. – 103 s.
- Ikonnikov S. N., *Sozdanie i deyatelnost' ob"edinennykh organov TsKK–RKI v 1923 – 1934 gg.*, M., Institut istorii SSSR, 1971. – 480 s.
- П'юкхов А. А., *Kak platili bol'sheviki: Politika sovetskoj vlasti v sfere oplaty truda v 1917 – 1941 gg.*, M., ROSSPEN, 2010. – 415 s.
- Kabo E. O. *Ocherki rabochego byta. Opyt monograficheskogo issledovaniya domashnego rabochego byta*, M., Knigoizdatel'stvo VTsSPS, 1928. – 218 s.
- Knyazev G. F., *Iz zapisnoi knizhki russkogo intelligenta za vremena voyny i revolyutsii 1915 – 1922 gg.*, Russkoe proshloe, 1993, Kn. 5, S. 149–227.
- Korolev S. A., *Distsiplinarnye tekhnologii: Rossiya i Evropa*, Filosofiya i kul'tura, 2008, № 10, S. 9–27.
- Korolev S. A. *Donos v Rossii. Sotsial'no-filosofskie ocherki*, M., Progress-Mul'timediya, 1996. – 237 s.

- Korolev S. A., *Pseudomorfoza kak tip razvitiya: sluchai Rossii*, *Filosofiya i kul'tura*, 2009, № 6, S. 72–85.
- Koen S., *Bukharin. Politicheskaya biografiya. 1888 – 1938 gg.*, M., Progress, 1988. – 570 s.
- Livshin A. Ya., *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoj Rossii: 1917 – 1932 gg.*, M., ROSSPEN, 2010. – 344 s.
- Litvak K. B., *Zhizn' krest'yanina 20-kh godov: sovremennye mify i istoricheskie realii*, NEP: priobreteniya i poteri, M., Nauka, 1994, S. 185–203.
- Makarevich A. M., Sokolov A. K., «*Magnitka bliz Sadovogo kol'tsa*»: *Stimuly k rabote na Moskovskom zavode «Serp i molot», 1883 – 2001 gg.*, M., ROSSPEN, 2005. – 368 s.
- Mirskii M. B., *Protsessy «vrachei-ubiits». 1929 – 1953 gody*, *Voprosy istorii*, 2005, № 4, S. 72–88.
- Nenar F.-K., *Pyat' protsentov pravdy. Razoblachenie i donositel'stvo v stalinskom SSSR (1928 – 1941)*, M., ROSSPEN, 2011. – 398 s.
- Nikolaev A. A., *Ustanovlenie politicheskogo kontrolya nad kooperativnymi kadrami v Sibiri v 1920e gody*, *Kooperatsiya, Stranitsy istorii*, Vyp. 10, M., Institut ekonomiki RAN, 2003, S. 188–202.
- Orlov I. B., Markosyan G. M., *Vz'yatka i bor'ba s nei v gody nepa*, M., Printsipium, 2011. – 200 s.
- Pavlyuchenkov S. A., «*Orden mechenostsev*»: *Partiya i vlast' posle revolyutsii. 1917 – 1929 gg.*, M., Sobranie, 2008. – 463 s.
- Pirani S., *Russkaya revolyutsiya v otstuplenii*, M., Novyi khronograf, 2013. – 426 s.
- Smirnova T. M., «*Byvshie lyudi*» *Sovetskoj Rossii: Strategii vyzhivaniya i puti integratsii. 1917 – 1936 gody*, M., Mir istorii, 2003. – 296 s.
- Sokolov A. K., *Ot voenproma k VPK: sovetskaya voennaya promyshlennost'. 1917 – iyun' 1941 gg.*, M., Novyi khronograf, 2012. – 523 s.
- Sokolov A. K., *Sovetskoe neftyanoe khozyaistvo. 1921 – 1945 gg.*, M., 2013. – 280 s.
- Tyurin A. O., «*Pri starom rezhime khleba khvatalo...*»: *Sel'skokhozyaistvennye zagotovki i kollektivizatsiya v diskussiyakh gorozhan Nizhnego Povolzh'ya*, *Ezhegodnik istoriko-antropologicheskikh issledovaniy*, 2009, M., EKON-INFORM, 2009. S. 142–150.
- Shaporina L. V., *Dnevnik*, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. T. 1. – 585 s.
- Sherikh D. Yu., *1924. Iz Petrograda – v Leningrad*, M., SPb., Tsentropoligraf, 2004. – 239 s.
- Yarov S. V., *Konformizm v sovetskoj Rossii: Petrograd 1917 – 1920-kh godov*. SPb., Evropeiskii dom, 2006. – 565 s.

Статья поступила в редакцию 14. 04. 2015 г.